

УДК 11.161.1

DOI: 10.17223/19986645/53/8

М.Д. Шамянунова, Л.Г. Ефанова

СИНТАКСИЧЕСКАЯ КОНТАМИНАЦИЯ В РОМАНЕ В. НАБОКОВА «ЗАЩИТА ЛУЖИНА»

Изучается роль синтаксической контаминации в создании речевой художественной формы романа В. Набокова «Защита Лужина». В результате исследования структуры и семантики использованных в романе синтаксических контаминантов, а также стилистического анализа окружающего их контекста выявлено своеобразие в использовании писателем синтаксической контаминации и установлено, что этот прием является одним из наиболее адекватных способов выражения основной для романа идеи двоемирия.

Ключевые слова: контаминация, синтаксический контаминант, синтаксическое наложение, синтаксическое скрещивание, многоместное наложение.

Введение

«Защита Лужина» – первый из романов В. Набокова, многоплановость которого отметили как его современники, так и критики конца XX – начала XXI в. По мнению Г. Барабтарло, этот роман следует отнести «к чрезвычайно малому числу действительно трехмерных произведений словесности» [1]. Данное свойство романа обусловлено как особенностями его формы, так и содержанием. Как и многим другим произведениям В. Набокова, этому роману свойственна амбивалентность – установка на многовариантное, неоднозначное прочтение, что обусловлено игровым характером его текста [2], который «целенаправленно моделируется в расчете на последующие поиски различных версий его истолкования» [3. С. 48]. Что касается содержания романа, то истоки его многоплановости представляются исследователями по-разному: как двоемирие, в котором пребывает художник [4–8], как взаимодействие между реальностью и воспоминанием [9. С. 159] и как конфликт между реальным и воображаемым миром в сознании героя [5; 10. С. 227–228; 11. С. 235] или двумерным миром заурядных людей и трехмерной организацией пространства в восприятии гения [12], а также между реальным миром и миром шахматной игры [13. С. 58–70; 14].

Возможно, именно присутствием нескольких взаимодействующих или существующих параллельно друг другу реальностей, или планов изображения, объясняется использование в романе большого количества синтаксических контаминантов – предложений или их сочетаний, образованных в результате контаминации частей двух или более высказываний или отрезков текста.

В данной статье под контаминацией понимается «структурное объединение по принципу наложения или скрещивания на основе формального или семантического сходства, ассоциативной или функциональной близости элементов языковых единиц одного системного уровня при создании новой номинативной единицы, а также в целях достижения определенного художественного эффекта или вследствие речевой ошибки» [15. С. 104]¹. Образованная в результате контаминации языковая или речевая единица называется контаминантом. Контаминант содержит в своем составе обе исходные единицы или их части, объем которых должен быть достаточным для того, чтобы эти единицы оставались узнаваемыми; данную способность мы называем свойством формально-смысловой целостности контаминанта. В зависимости от того, элементы какого уровня языка вступают во взаимодействие друг с другом при контаминации, выделяются лексическая, фразеологическая, морфологическая и синтаксическая разновидности контаминации. По способу взаимодействия в контаминанте частей исходных единиц различаются две разновидности контаминации: наложение и скрещивание [19. С. 140–141].

В произведениях В. Набокова контаминация регулярно используется в качестве стилистического приема [15, 19, 20]; в его романах можно обнаружить примеры лексического (напр.: *фрески Врублева* – от *Врубель* и *Рублев* [Дар]) и фразеологического наложения (напр.: *автор одной божественной комедии* (о Данте) – от *одна комедия* и «*Божественная комедия*» [«Защита Лужина»]), лексического (*хляпали копыта* – от *хля-бали* и *то-пали* [«Приглашение на казнь»]) и фразеологического скрещивания (*зарябило под ложечкой* – от *зарябило в глазах* и *засосало под ложечкой* [«Отчаяние»]), а также многочисленные синтаксические контаминанты.

Объектом исследования в данной статье являются синтаксические контаминанты как наиболее частотная для романа «Защита Лужина» разновидность единиц, созданных способом наложения или скрещивания. Один из синтаксических контаминантов, образованных путем наложения речи повествователя и персонажа, можно обнаружить уже на первой странице романа (1).

(1) Тучная француженка, читавшая ему [Лужину] вслух «Монтекристо» и прерывавшая чтение, чтобы с чувством воскликнуть «бедный, бедный Дантес!», предлагала его родителям, что сама возьмет быка за рога, хотя быка этого смертельно боялась. *Бедный, бедный Дантес не возбуждал в нем участия*², и, наблюдая ее воспитательный вздох, он только

---

¹ Контаминацию языковых единиц в качестве стилистического приема следует отличать от контаминации стилистических приемов [16], противопоставленной конвергенции [17]. В исследованиях по лингвопозитке контаминация и конвергенция рассматриваются как сочетание артем – художественно актуализированных слов или их сочетаний [18], в то время как контаминант, образованный в результате взаимодействия языковых единиц, в русле данной теории представляет собой самостоятельную артему.

² Контаминанты в примерах выделены курсивом; полужирным шрифтом отмечены совпадающие при наложении части исходных единиц.

щурился и терзал резинкой ватманскую бумагу, стараясь поужаснее нарисовать выпуклость ее бюста [21. С. 5].

Большое количество и разнообразие синтаксических контаминантов в романе В. Набокова «Защита Лужина» определило цель данной статьи: исследовать формальные и семантические особенности этих единиц, изучить условия, при которых становится возможным их образование, определить функции синтаксических контаминантов в тексте и их роль в создании многомерного художественного пространства романа.

1. Синтаксическое наложение в романе «Защита Лужина»

Синтаксическое наложение представляет собой соединение двух или более предложений, высказываний или фрагментов текста, при котором эти единицы преобразуются таким образом, что их совпадающие по форме элементы (отдельные слова или части предложений, а также целые предложения) не повторяются, а используются лишь однократно: $AB + ab = A(B=a)b$ или $B(A=b)a$ и т.д. Например, в (1) таким совпадающим элементом является словосочетание *бедный Дантес*: «*Бедный (A), бедный Дантес (B)!*» + *бедный Дантес (a) не возбуждал в нем участия (b)*. Необходимым условием для наложения является наличие в двух предложениях или частях текста совпадающих по форме элементов (отдельных слов или их последовательностей). Поскольку соединяющиеся при наложении части текста, как правило, имеют разные значения или передают разные оттенки смысла, которые сохраняются в контаминанте, этот тип трансформации синтаксических единиц способствует компрессии исходного текста и созданию определенного художественного эффекта, в частности, он может использоваться для того, чтобы выразить отношение автора или персонажа к предмету речи. Например, в контаминанте в (1) в сжатом виде представлено, как мы полагаем, следующее содержание: «Эмоции гувернантки, восклицавшей «бедный, бедный Дантес!», казались Лужину преувеличенными, а сама гувернантка – глупой и неискренней, поэтому и сам Дантес не возбуждал в нем участия». С помощью контаминации автору удастся передать внутреннее состояние своего героя (отвращение под маской безучастности) и в то же время отметить отсутствие внешних проявлений этого состояния.

Для наложения частей двух предложений может быть достаточно совпадения в них по форме всего одного полнозначного слова. Например, в (2) таким словом является форма многозначного глагола *искать*, который использован в контаминанте одновременно в двух значениях: во-первых, «стараться обнаружить что-л.» (*искать что-то в сумке*); во-вторых, «с трудом подбирать» (*искать тему для разговора*).

(2) [Лужин] продолжал молчать, и она замолчала тоже, и стала рыться в сумке, мучительно *ища* в ней тему для разговора и находя только *сломанный гребешок* [21. С. 48]³.

³ Описание этого контаминанта см. в [15. С. 110].

В тех случаях, когда во взаимодействующих текстах совпадают по форме несколько фрагментов, наложение может быть множественным, как, например, в (3), где при описании детской комнаты Лужина соединяются разные оценки, даваемые ей самим Лужиным и его отцом.

(3) Там обои были белые, а повыше шла голубая полоса, по которой нарисованы были серые гуси и рыжие щенки. Гусь шел на щенка, и опять то же самое, тридцать восемь раз вокруг всей комнаты. На этажерке стоял глобус и чучело белки, купленное когда-то на Вербе. Зеленый паровоз выглядел из-под воланов кресла. Хорошая была комната, светлая. Веселые обои, веселые вещи [21. С. 15].

В контаминанте в (3) наряду с общей для отца и сына составляющей описания присутствуют элементы, которые выражают оценку комнаты, данную старшим Лужиным: *Хорошая была комната, светлая. Веселые обои, веселые вещи*. Мнение же самого обитателя комнаты совершенно иное и выражено словами *и опять то же самое, тридцать восемь раз вокруг всей комнаты*, из которых ясно, что мальчику скучно в этой комнате, поэтому он так часто пересчитывал картинки на обоях, что запомнил их количество. С помощью контаминации автору удается отметить различие в восприятии одного объекта двумя родными людьми и передать крайнюю степень отчуждения сына и непонимание его отцом.

Множественное синтаксическое наложение может создаваться за счет последовательного соединения друг с другом нескольких отрезков текста, содержащих одинаковые элементы. Этот прием использован Набоковым в (4).

(4) Лужин снимался для паспорта, и фотограф брал его за подбородок, поворачивал ему чуть-чуть лицо, просил открыть рот пошире и сверлил ему зуб с напряженным жужжанием. Жужжание прекращалось, дантист искал на стеклянной полочке что-то, и, найдя, ставил итемпель на паспорте, и писал, быстро-быстро двигая пером. «Пожалуйста», – говорил он, подавая бумагу, где были нарисованы зубы в два ряда, и на двух зубах стояли чернилом сделанные крестики [Там же. С. 143].

В контаминанте в (4) фрагмент *брал его за подбородок, поворачивал ему чуть-чуть лицо* может относиться и к ситуации фотографирования, и к посещению дантиста; слово *найдя* может сочетаться как с названием стоматологического инструмента (замененного в тексте местоимением *что-то*) так и со словом *итемпель*; отрезок *писал, быстро-быстро двигая пером. «Пожалуйста», – говорил он, подавая бумагу* отражает смешавшиеся в сознании Лужина воспоминания о получении паспорта и о лечении зубов. Множественное наложение используется в контаминанте с целью отразить измененное состояние сознания героя накануне самоубийства.

В художественном тексте автор может не только использовать, но и создавать условия для наложения с помощью метафоризации значения слова, как, например, в (5) и (6). В этом случае созданное автором новое значение требует уточнения за счет контекста, который может содержать элементы, позволяющие разделить прямое и метафорическое значение слова, как в

(6), или отражать процесс переноса значения при создании развернутой метафоры, как в (5).

(5) [Бывший одноклассник,] стараясь вспомнить, каким был в школе Лужин, не мог себе его представить иначе, как со спины, то сидящего перед ним в классе, *с растопыренными ушами*, то уходящего в конец залы, подальше от шума, то уезжающего домой на извозчике, – руки в карманах, большой пегий ранец на спине, *валит снег...* **Он старался забежать вперед, заглянуть ему в лицо, но тот особый снег забвения, снег безмолвный и обильный, сплошной белой мутью застилал воспоминание.** И бывший тихоня говорил, глядя на портрет в газете: «Представьте себе, – совершенно не помню его лица...» [21. С. 14].

Формальным основанием для наложения во фрагменте (5) является употребление слова *снег* в прямом (*валит снег*) и переносном значении (*снег забвения*). В развернутой метафоре накладываются друг на друга два плана изображения: воспоминания одноклассника Лужина о прошлом (уезжающий на извозчике Лужин, *руки в карманах, большой пегий ранец на спине, валит снег...* **Он старался забежать вперед, заглянуть ему в лицо, но <...> обильный снег сплошной белой мутью застилал...**) и метафорическое описание его безуспешных попыток вспомнить лицо Лужина (**Он старался... заглянуть ему в лицо, но тот особый снег забвения, снег безмолвный и обильный, сплошной белой мутью застилал воспоминание**). Благодаря тому, что метафора является развернутой, переносное значение появляется и у других компонентов предложения (*старался... заглянуть ему в лицо, снег безмолвный, сплошной белой мутью застилал*) и контаминация становится многоместной.

В воспоминаниях о детстве самого Лужина в (6) синтаксическое наложение использовано для воссоздания атмосферы пасхальной службы и праздничного обеда. Эти воспоминания отражают сложный комплекс зрительных, слуховых, вкусовых и тактильных образов, связанных с праздником, однако основанием для контаминации стало лишь сочетание ассоциаций, вызванных чувством голода и звуками церковной службы.

(6) И пасхальные ночи он помнил: дьякон читал рыдающим басом... <...> И он помнил, как **легко и пронзительно**, вызывая *сосущее чувство под ложечкой*, звучало *натоцкак* слово «*фасха*» в устах изможденного священника... <...> Был запах ладана <...> и темный, медовый лоск образа, ожидавшего лобзания. Томные воспоминания, смуглота, поблескивания, вкусный церковный воздух и мурашки в ногах. <...> ...Приходишь домой после заутрени, и ждет тебя масленый баран с золотыми рогами, окорок, девственно ровная *пасха*, за которую хочется приняться раньше всего, минув ветчину и яйца [Там же. С. 104–105].

Образование контаминанта в (6) стало возможным благодаря многозначности слов *легко* и *пасха*. Слово *легко* ассоциируется у Лужина одновременно с ощущением легкости в теле (*легко натоцкак*) и с высоким голодом священника (*легко и пронзительно звучало*); возможно, использование слова *легко* в значении «высоко» (звучало) объясняется переосмыслением

метафоры: голос поднялся высоко в воздух потому, что лишен веса. Изможденный вид священника заставляет мальчика думать, что он, как и Лужин, утомлен длительным постом, а слово, которое священник произносит по-древнееврейски: «*фасха*», ассоциируется с названием праздничного блюда.

Наиболее частотны в романе синтаксические контаминанты, образованные путем наложения прямой и косвенной речи. Например, в контаминанте в (7) объединены высказывания с косвенной (*генерал, всегда доказывавший, что не России нам жаль, а молодости*) и прямой речью, на которую указывает характерный для разговорного языка повтор («*Не России нам жаль, а молодости, молодости!*»). Контаминант содержит речевую характеристику персонажа как человека, способного разговаривать только об одном предмете, это объясняет, почему данный персонаж неинтересен Лужину.

(7) [У Лужиных]... появились опять все те люди, которые обыкновенно у них в доме бывали, – как, например, *очаровательный старенький генерал, всегда доказывавший, что не России нам жаль, а молодости, молодости...* [21. С. 74].

В контаминанте в (8), образованном тем же способом, на принадлежность его компонентов к прямой речи (*Мальчик, кажется, не ладит с товарищами*) указывает слово *кажется*, выражающее отношение ее субъекта к сообщаемому. Содержанием контаминанта является прямая характеристика Лужина со стороны учителя.

(8) [Воспитатель] *сказал [отцу Лужина], что мальчик мог бы учиться лучше, что мальчик, кажется, не ладит с товарищами, что мальчик мало бежит на переменах...* [Там же. С. 12].

Синтаксическое наложение, при котором совпадают конечная часть предложения, содержащего косвенную речь, и начальная часть предложения с прямой речью, является характерным признаком разговорного языка [22. С. 67]. Оно помогает говорящему сократить передаваемое сообщение и выразить свое отношение к его содержанию или источнику. В романе Набокова этот вид синтаксического наложения принимает более разнообразные формы и выполняет наряду с названными и другие функции. Чаще всего этот прием используется для создания эффекта присутствия, как, например, в (9).

(9) [Лужин] *вдруг развивал необычайную скорость, его спутницы отставали, мать, поджимая губы, смотрела на дочь и свистящим шепотом клялась, что, если этот рекордный бег будет продолжаться, она тотчас же, – понимаешь, тотчас же, – вернется домой* [21. С. 74].

Контаминант в (9) образован путем многоместного наложения элементов косвенной (*мать клялась, что, если этот рекордный бег будет продолжаться, она тотчас же вернется домой*) и прямой речи (*если этот рекордный бег будет продолжаться, тотчас же, – понимаешь, тотчас же домой*). Использование в составе предложения глагола в форме 2 л. ед. ч. создает эффект присутствия читателя при разговоре персонажей.

Многоместное наложение используется в романе для того, чтобы изобразить ситуацию с точки зрения одного из персонажей романа, например в

(8) и (10), описать отношения между персонажами, как в (10), а также отразить их психологическое состояние, как, например, в (11).

(10) [Отец] *приехал только к десяти, опоздал, оказывается, на поезд, очень много было дел, обедал с издателем, – нет, нет, супа не нужно. Он смеялся и говорил очень громко и шумно ел...* [21. С. 32–33].

Контаминант в (10) представляет взгляд на ситуацию маленького Лужина, на это указывает принадлежащий ему комментарий *оказывается*, включенный в контекст объяснений отца. Вместе с тем контаминация прямой (Отец: *Опоздал на поезд, очень много было дел, обедал с издателем, – нет, нет, супа не нужно*) и комментирующей речи (Лужин: *Он приехал только к десяти, опоздал, оказывается, на поезд, очень много было дел*) помогает воссоздать обстановку в столовой: многословные оправдания отца, которого жена подозревает в измене, ее напряженное молчание и замешательство сына, не понимающего причин назревающего конфликта.

В отличие от (10), где контаминация используется для передачи отношений между персонажами, контаминант в (11) отражает смятение героини, вызванное помешательством мужа в момент прихода гостей. При этом косвенная речь соединяется с внутренней речью героини, отмеченной характерными для разговорного языка элементами: повтором *сейчас-сейчас*, частицей *вот*, эллипсисом *а тут...* и оценочным *этот ужас*.

(11) Она [жена Лужина] *спохватилась, что вот, сейчас-сейчас, придут гости, – поздно уже отзванивать, – а тут... этот ужас* [Там же. С. 149].

Как показал анализ имеющихся в тексте романа контаминантов, формальным основанием для синтаксического наложения является наличие в составе соединяемых единиц компонентов, совпадающих по форме вследствие полисемии или благодаря намеренно созданной автором многозначности слов или более крупных фрагментов текста. В примерах (1), (7–9) и (11) такими компонентами являются элементы прямой и косвенной речи; в (3) и (10) – внутренней речи двух персонажей; в (4) основанием для наложения является совпадение по форме объемных фрагментов текста; в (2) контаминация становится возможной благодаря системной полисемии, а в (5) и (6) – метафоризации значений отдельных слов.

Синтаксическая контаминация предполагает существование по крайней мере двух «планов содержания» [23. С. 310], составляющих сложную семантику контаминанта. Связанные с ними смыслы могут отражать разные мнения об одном и том же предмете двух субъектов, как, например, в (1) и (3), или разные события, переживаемые одним субъектом, как в (4). Соединенные в контаминанте фрагменты текста могут обозначать одновременные действия, мысли или переживания субъекта, как в (2) и (6), а также события, происходящие в разное время и / или в разных местах, как в (4) и (5). Вследствие этого содержательной основой синтаксического наложения может быть единство времени и / или места изображаемого события, как, например, в (1), (2) и (6), или наличие одного и того же субъекта у разных действий (отношений, переживаний и т.д.), как в (2), (4–6), а также общего

для разных субъектов объекта действия (восприятия, переживания и т.д.), как в (1) и (3), или предмета речи, как в (7–11).

2. Синтаксическое скрещивание в романе «Защита Лужина»

При контаминации, осуществленной путем скрещивания, происходит взаимная мена компонентов языковых единиц. Структурная схема такого взаимодействия может выглядеть как $ab + AB = aB$ или Ab . Например, фразеологический контаминант *с растопыренными ушами* в (5) образован от словосочетаний, в каждом из которых опорный глагол обладает ограниченной сочетаемостью (*с растопыренными локтями* + *с оттопыренными ушами*).

Синтаксическое скрещивание иногда используется в юмористических произведениях для создания каламбура. На этом принципе основываются, например, юморески, в которых в результате переключения каналов случайно соединяются части сходных по форме фраз из текстов разных теле- или радиопередач. Комический эффект достигается в этом случае за счет того, что начало одной фразы соединяется с конечной частью другой, согласующейся с ней по грамматической форме, но имеющей несовместимый с ней и неожиданный для слушателя смысл, т.е. созданный таким образом каламбурный контаминант обладает свойством формальной, но не смысловой целостности. Набоков использует этот прием с иными целями. Например, в (12) описан семейный досуг Лужиных. Жена читает вслух газеты, в то время как Лужин, которому врачи запретили играть в шахматы, тайком от нее решает напечатанные в газетах шахматные задачи. Фрагмент представляет собой скрещивание отрывков газетных статей, прочитанных вслух женой, и мыслей Лужина о шахматах. Чтение жены и мысли Лужина представляют собой никак не связанные друг с другом параллельные процессы, но в романе они оформлены как диалог.

(12) «...Вся деятельность исчерпывается коренным изменением и дополнением, которые должны обеспечить...» – ровным голосом читала жена. «Построение любопытное, – думал Лужин. – *Ферзь черных совершенно свободен*». «...*Проводит четкую грань между* жизненными интересами, причем нелишним было бы отметить, что ахиллесова пята этой *карающей длани*...». «*Против угрозы на аш-семь у черных есть очевидная защита*», – думал Лужин и улыбнулся <...> «*Если в этом плане, – продолжала она, – рассматривать их дальнейшие планы...*». «*Ах, какая роскошь*», – мысленно воскликнул Лужин, найдя ключ к задаче – очаровательно изящную *жертву*. «...*И катастрофа не за горами*», – dokonчила статью жена [21. С. 131].

Часть газетного текста с пропущенным подлежащим *...проводит четкую грань между* похожа на продолжение мысленной фразы Лужина *Ферзь черных совершенно свободен*, где отсутствует глагольное сказуемое. В свою очередь, мысли Лужина *Против угрозы на аш-семь у черных есть очевидная защита* внешне напоминают реакцию на упоминание в тексте газеты о *карающей длани*. Оригинальность контаминанта заключается, однако, в том, что Набоков не ограничивается случайным совпадением ча-

стей фраз разных персонажей и за внутренней речью его героя скрыта авторская оценка стилистики газетного текста. [Газета:] *Вся деятельность исчерпывается коренным изменением и дополнением, которые должны обеспечить...* – [Автор:] *Построение любопытное.* [Газета:] *Если в этом плане <...> рассматривать их дальнейшие планы...* – [Автор (иронически):] *Ах, какая роскошь!* Завершает фрагмент ассоциативно связанное со словом *жертва* пророчество автора: *и катастрофа не за горами.*

При скрещивании части исходных единиц отсекаются, что может повлечь за собой утрату их смысла. В (12) сохранение этого смысла не является необходимым, поскольку автор ставит перед собой иные цели. В большинстве же других случаев перед автором встает задача обеспечения формально-смысловой целостности контаминанта, т.е. построения его таким образом, чтобы исходные единицы в его составе оставались узнаваемыми. При скрещивании предложений с прямой и косвенной речью эта задача решается за счет формального и семантического сходства соединяемых единиц. Например, в (13) синтаксическое скрещивание обнаруживается в речи одного из персонажей – гостя из России:

(13) *Даже мой мальчуган, – как, вы не знали, что у меня есть мальчуган? – ну, как же, как же, очаровательный карапуз, – так вот, даже мой Митька говорит, что у нас в Ленинграде лябоают, а в Беллине бульзуи ничего не делают* [21. С. 123].

Контаминант в (13) образован путем скрещивания обычной косвенной речи (*мой Митька говорит, что у нас в Ленинграде <работают, а в Берлине буржуи бездельничают>*) и подражания детскому языку: (*<у нас в Ленинглад> лябоают, а в Беллине бульзуи ничего не делают*); на принадлежность первой части контаминанта к косвенной речи указывает правильное произношение сонорного [р] в слове *Ленинград*, в то время как во второй части контаминанта этот звук в подражание детской речи заменен другим сонорным – [л]. Содержащаяся в (13) речевая характеристика персонажа помогает понять, почему гостя с родины не вызывает у героя романа интереса и неприятна его жене: для Лужина поведение гостя и ее подражание детскому языку являются одним из проявлений пошлости, в то время как его жене неприятна бестактность бывшей подруги, упоминающей о «буржуях за границей» в присутствии эмигрантов Лужиных.

В художественном произведении создание синтаксических контаминантов путем скрещивания требует соблюдения особых условий, которые касаются как формы, так и содержания взаимодействующих единиц. В частности, в (14) единство формы контаминанта создается за счет уже описанного выше сходства конструкций с прямой и косвенной речью, в то время как смысловое содержание исходных единиц удастся сохранить благодаря тому, что усеченная часть одной из них содержит общеизвестную информацию: аксиому о сумме углов треугольника.

(14) [Одноклассник Лужина] *Петрищев умолял всех объяснить ему, почему мы знаем, что они равняются двум прямым.* И вдруг Лужин отчетли-

во услышал за своей спиной особый, деревянно-рассыпчатый звук, от которого стало жарко, и невольно стукнуло сердце. <...> Кребс и единственный тихоня в классе проворно расставляли маленькие, легкие фигуры на трехвершковой шахматной доске [21. С. 24–25].

В контаминанте (14) соединены конструкции с прямой (<Ради Бога, объясните мне, откуда> *мы знаем, что они равняются двум прямым!*) и косвенной речью: *Петрищев умолял всех объяснить ему, почему* <сумма всех углов треугольника равна сумме двух прямых углов>. Контаминант отражает взгляд на ситуацию ее случайного свидетеля – Лужина; на это указывает местоимение *они*, выполняющее в речи Петрищева анафорическую (заместительную) функцию, отсылая слушателей к той части его высказывания, в которой говорилось о сумме углов треугольника. Лужин не слышал его слов и, по-видимому, не знает этой геометрической аксиомы, поэтому в тексте романа высказывание одноклассника сохраняется в неизменном виде. Контаминант отражает равнодушие Лужина к учебе и к событиям в классе, которое сменяется интересом только при появлении шахмат.

Глазами героя романа представлена и ситуация, описанная с помощью контаминанта в (15).

(15) *Наконец, он завидел нужный ему дом, сливовый, с голыми стариками, напряженно поддерживающими балкон...* [Там же. С. 26].

В контаминанте (15) скрещивается речь автора: *Наконец, он завидел нужный ему дом*, <лиловый, с атлантами>, *напряженно поддерживающими балкон*, и слова, с помощью которых описывает тот же дом гимназист Лужин: *сливовый, с голыми стариками*. Для обозначения цвета Лужин употребляет слово из своего домашнего обихода (которое Набоков в этом значении не использует). Формально-смысловое единство контаминанта создается в этом случае за счет включения в речь автора-повествователя замещающих ее компоненты синонимичных слов, относящихся к внутренней речи героя. Данный пример демонстрирует ограниченность интересов Лужина, в данном случае отсутствие у него знания античной мифологии, обычно хорошо знакомой гимназистам.

При скрещивании, как правило, соединяются начальная часть одной языковой единицы с конечной частью другой. Однако в (16) Набоков показывает, что это требование не является обязательным.

(16) Лужин старший <...> прислушивался к монологу в соседней столовой, к голосу *жены, уговаривающей тишину выпить какао* [Там же. С. 15].

Ю.И. Левин видит в этом фрагменте «пример контаминирования однородного (звука и тишины), компрессии двух впечатлений в одно» [23. С. 311], и это наблюдение в определенном смысле верно. Однако в тексте Набокова компрессия достигается за счет соединения двух фрагментов текста, обозначающих действия двух разных лиц: матери Лужина, *уговаривающей выпить какао*, и отца, <слышащего в ответ только> *тишину*. Скрещивание в данном случае сопровождается размещением конечного элемента одного предложения (*тишину*) в центре другого.

Как правило, пониманию синтаксических контаминантов, образованных способом скрещивания, способствует окружающий их контекст, как в (13) и (15), или имеющиеся у читателя общеизвестные сведения о предмете речи, как в (14) и (16). Однако иногда этой информации бывает недостаточно для расшифровки набоковских контаминантов. В этом случае читатель вынужден обращаться к более широкому контексту или даже воссоздавать пропущенные части текста самостоятельно, используя собственное воображение. Именно такого внимательного прочтения требует фрагмент (17).

(17)...*Когда серый резиновый мяч, которым играли в футбол, подкатился случайно к его ногам, учитель словесности, инстинктивно продолжая очаровательное предание, сделал вид, что хочет его пнуть, неловко потоптался, чуть не потерял галошу и рассмеялся с большим добродушием* [21. С. 12].

В отрывке (17) соединены части предложений, описывающих ситуацию на школьном дворе глазами отца и сына Лужиных. С точки зрения Лужина-школьника, совпадающей в данном случае с авторской, ситуация на школьном дворе выглядит так: *...когда серый резиновый мяч, которым играли в футбол, подкатился случайно к его ногам, <воспитатель зачем-то> сделал вид, что хочет его пнуть, неловко потоптался, чуть не потерял галошу и <skonфуженно> засмеялся.*

Для того чтобы объяснить появление в тексте выражений *очаровательное предание, с большим добродушием и учитель словесности*, читателю необходимо вспомнить, что отец Лужина – автор книг для юношества, отличающихся обилием литературных штампов и выдающих весьма поверхностные знания их автора о предмете. Описанию анализируемого нами эпизода предшествует изложение мнения старшего Лужина о гимназии, стилизованное под язык его сочинений:

Преданье говорило, что, в первое время ее [гимназии] существования, учителя в час большой перемены возились с ребятами, – физик мял, глядя через плечо, комок снега, математик получал на бегу крепкий мячик в ребра, и сам директор веселым восклицанием поощрял игру. <...> Классным воспитателем сына был учитель словесности, добрый знакомый писателя Лужина и, кстати сказать, недурной лирический поэт, выпустивший сборник подражаний Анакреону [Там же. С. 11].

Обладая этой информацией, читатель может описать ситуацию в выражениях, свойственных повестям для юношества, написанным Лужиным старшим, например:

<В час большой перемены> учитель словесности, <добрый знакомый писателя Лужина и, кстати сказать, недурной лирический поэт>, инстинктивно продолжая очаровательное предание, <веселым восклицанием поощрял игру, получил на бегу крепкий мячик в ребра> и рассмеялся с большим добродушием.

При скрещивании элементов синтаксических конструкций перед автором художественного произведения стоят иные задачи, чем при их наложении. Поскольку часть значимых элементов текста при скрещивании

утрачивается, для сохранения его смысла необходимо использовать специальные приемы, требующие от писателя особого мастерства. Вариантами решения этой задачи являются использование синонимичных конструкций с прямой и косвенной речью, как в (13), или замена отдельных компонентов речи повествователя синонимом или местоимением, используемыми тем или иным персонажем, как в (14) и (15). Более сложный путь объяснения значения контаминанта представляет собой обращение к элементам контекста, расположенным на значительном удалении от него, как в (18), или замещение пропущенных компонентов в середине одного из взаимодействующих в контаминанте предложений компонентами другого, как в (17).

При синтаксической контаминации способом скрещивания во взаимодействие друг с другом вступают те же смысловые составляющие текста, что и при синтаксическом наложении. Содержательной основой синтаксического скрещивания могут быть единство времени и / или места изображаемого события, как, например, в (12) и (16), наличие общего для разных субъектов предмета речи, как в (13) и (17), или объекта восприятия, как в (14) и (15).

Заключение

Синтаксическая контаминация в романе «Защита Лужина» является одним из средств, позволяющих показать особенности взаимоотношений его героя с окружающим миром. Иногда эти отношения эксплицитно выражены в отрезках текста, части которых соединяются в контаминанте. Например, контаминанты или их ближайший контекст в (5), (8), (9) и (11) содержат оценки, данные Лужину или его поступкам другими персонажами романа: учителем (*не ладит с товарищами*), одноклассником (*не мог себе его представить иначе, как со спины*), членами семьи (*этот ужас*). Напротив, контаминанты в (7) и (13) используются для характеристики случайных персонажей – гостей Лужиных – как неинтересных или неприятных главному герою людей: *старенький генерал, всегда доказывавший, что не России нам жаль, а молодости, молодости*, гостя из Москвы и ее угрюмый мальчуган Митька, который говорит, что у нас в Ленинграде лябоят, а в Беллине бульзуи ничего не делают.

Однако наибольшей выразительностью обладают в романе синтаксические контаминанты, в которых отношения Лужина с внешним миром выражены посредством наложения или скрещивания фрагментов высказываний, принадлежащих разным персонажам, или частей предложений, обозначающих разные события или разные стороны одного явления. Среди этих контаминантов только тот, который содержит воспоминания Лужина о пасхальной церковной службе, передает относительную гармонию в отношениях героя и мира, в остальных же случаях контаминация является средством выражения отчуждения героя, который «пребывает рядом с другими, но отгорожен плотной стеклянной стеной» [24. С. 191]. Не случайно именно этот способ использует Набоков для характеристики отношений

своего героя с отцом, матерью и женой, т.е. с людьми, которые должны быть для него самыми близкими. Благодаря использованию контаминации речь отца Лужина звучит диссонансом при описании объектов и событий, которые его сын видит совершенно иначе, разговор матери с сыном превращается в общение с пустотой, а единственный в романе диалог Лужина с женой представляет собой случайное соединение отрывков газетного текста и мыслей героя о совсем ином предмете.

Анализ синтаксических контаминантов в романе «Защита Лужина» подтверждает мнение о центральной роли в нем темы «одиноким, богатой чувствами души во враждебном мире «пошлых» жизненных укладов и чуждых, непонятных и непонимающих людей-кукол» [25. С. 226] и позволяет сделать вывод, что контаминация является одним из наиболее адекватных художественных способов выражения в романе идеи двоемирия.

Литература

1. *Барабтарло Г.* Троичное начало у Набокова // В.В. Набоков: pro et contra: антология. СПб., 1997. Ч. 2. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%94/dolinin-a/vladimir-nabokov-pro-et-contra-t2> (дата обращения: 11.03. 2017).
2. *Люксембург А.М.* Амбивалентность как свойство набоковской игровой поэтики // Набоковский вестник. 1998. Вып. 1. С. 16–25.
3. *Рахимкулова Г.Ф.* Олакрез Нарцисса: Проза Владимира Набокова в зеркале языковой игры. Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 2003. 320 с.
4. *Ходасевич В.* «Защита Лужина». URL: <https://www.chitalnya.ru/commentary/8970/> (дата обращения: 11.03. 2017).
5. *Дьячковская Л.* Свет, цвет, звук и граница миров в романе «Защита Лужина» // В.В. Набоков: pro et contra: антология. СПб., 1997. Ч. 2. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%94/dolinin-a/vladimir-nabokov-pro-et-contra-t2> (дата обращения: 11.03. 2017).
6. *Alexandrov V.E.* Nabokov's Otherworld. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1991. 270 p. / Александров В.Е. Набоков и потусторонность / пер. с англ. Н.А. Анастасьева. СПб. : Алетей, 1999. 320 с.
7. *Жолковский А.К.* Победа Лужина, или Аксенов в 1965 году // Alexander Zholkovsky. URL: <http://www-bcf.usc.edu/~alik/rus/book/poetik/aksen.htm> (дата обращения: 11.05. 2017).
8. *Погорелова Д.А.* Романтическое двоемирие в прозе В.В. Набокова // Литература в контексте культуры. 2011. Вып. 2 (21). С. 218–226.
9. *Аверин Б.* Гений тотального воспоминания: О прозе Набокова // Звезда. 1999. № 4. С. 158–163.
10. *Андреев Н.* Сирин // В.В. Набоков: pro et contra: антология. СПб., 1997. Ч. 1. С. 220–230.
11. *Кантор М.* Бремя памяти (о Сирине) // В.В. Набоков: pro et contra : антология. СПб., 1997. Ч. 1. С. 234–237.
12. *Найман Э.* Литланда: аллегорическая поэтика «Защиты Лужина» // Новое литературное обозрение. 2002. № 54. С. 164–204.
13. *Долинин А.* Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове. СПб. : Академ. проект, 2004. 400 с.
14. *Сакун С.В.* Шахматный секрет романа В. Набокова «Защита Лужина» (новое прочтение романа) // Филологический вестник Ростовского государственного университета. 1999. № 1. С. 19–25.

15. Шамяунова М.Д., Ефанова Л.Г. Прием контаминации в прозе В.В. Набокова // Коммуникативно-прагматические аспекты слова в художественном тексте : науч. тр. каф. совр. рус. яз. и стилистики ТГПУ. Томск, 2000. С. 100–116.
16. Лопаткина С.В. К проблеме разграничения понятий конвергенции и контаминации тропов // Речевое общение: специализированный вестник. Вып. 5–6 (13–14) / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск, 2004. С. 36–41.
17. Новикова Э.Г. Конвергенция речевых художественных приемов в малой прозе Т. Толстой // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 26–34.
18. Климовская Г.И. Тонкий мир смыслов художественного (прозаического) текста: Методологический и теоретический очерк лингвопозитики. Томск : НТЛ, 2009. 168 с.
19. Шамяунова М.Д. Прием контаминации в романе В. Набокова «Дар» // Междунар. журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 6-1. С. 140–144.
20. Шамяунова М.Д. Лексическая контаминация как стилистический прием и ее использование в прозе В. Набокова // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 393. С. 43–47.
21. Набоков В.В. Собрание сочинений : в 4 т. М. : Правда, 1990. Т. 3. С. 3–152.
22. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М. : Наука, 1981. 278 с.
23. Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. 824 с.
24. Анастасьев Н.А. Феномен Набокова. М. : Сов. писатель, 1992. 320 с.
25. Сахаров В.И. Владимир Набоков – русский писатель // Реалист. Лит. альм. М., 1995. Вып. 1. С. 209–226.

SYNTACTIC BLENDING IN NABOKOV'S NOVEL *THE LUZHIN DEFENSE*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 53. 111–126. DOI: 10.17223/19986645/53/8

Margarita D. Shamjaunova, Larisa G. Efanova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: margarita-tomsk@mail.ru / efanova@sibmail.com

Keywords: blending, syntactic blend, syntactic overlap, syntactic clipping, plural overlap.

The article investigates the composition of the syntactic blends used in Vladimir Nabokov's novel *Zashchita Luzhina* [The Luzhin Defense], the conditions conducive to their formation, and also the stylistic effect created with their help. During the research, seventeen syntactic blends were checked for compliance with the structural scheme of overlap (AB + ab = A (B = a) b) or clipping (AB + ab = Ab or aB), a semantic analysis of the components of the blends to identify the conditions for their formation, and a stylistic analysis of the blends and the context surrounding them with the aim of establishing their role in creating the speech artistic form of the novel were made.

Eleven of the syntactic blends used in the novel are formed by the method of overlap, and six by clipping of the original units. The conditions for syntactic overlap are the coincidence of the shape of the parts of the constructions with direct and indirect speech (e.g.: *Bednyy, bednyy Dantes ne vzbuzhdal v nem uchastiya*), the ambiguity of one of the components of the blend (e.g.: *ona stala ryt'sya v sumke, muchitel'no ishcha v ney temu dlya razgovora i nakhodya tol'ko slomannyi grebeshok*), as well as creating a detailed metaphor.

Syntactic clipping becomes possible when connecting parts of synonymous constructions with direct and indirect speech (e.g.: ... *dazhe moy Mit'ka govorit, chto u nas v Leningrade [A] lyabotayut, a v Belline bul'zui nichego ne delayut* [b]) or the replacement of individual components of the narrator's speech with a synonym or a pronoun the character used (e.g.: *Petrishchev umolyal vsekh ob "yasniit' yemu, pochemu [A] my znayem, chto oni ravnyayutsya dvum pryamym* [b]). In Nabokov's novel, clipping can be accompanied by a rearrangement of the components of the original units, it can connect the distant parts of the text or even require

the reader to recreate its missed parts using information obtained from the broad context preceding the blend.

Single and plural overlapping and clipping are used in the novel in order to depict the situation from the point of view of one of the characters in the novel, to describe the relationship between the characters or to reflect their psychological state.

Syntactic blending in the novel *The Luzhin Defense* is one of the means allowing to depict the loneliness of its hero with a high degree of artistic certainty, to demonstrate disharmony in his relations with the surrounding world and people, and is therefore one of the most adequate artistic ways of expressing the idea of duality in the novel.

References

1. Barabtarlo, G. (1997) Troichnoe nachalo u Nabokova [The triad in Nabokov]. In: Dolinin, A. V.V. *Nabokov: pro et contra: antologiya* [V.V. Nabokov: pro et contra: anthology]. Pt. 2. St. Petersburg: Izd-vo Rus. Khristianskogo gumanitar. in-ta. [Online] Available from: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%94/dolinin-a/vladimir-nabokov-pro-et-contra-t2>. (Accessed: 11.03.2017).
2. Lyuksemburg, A.M. (1998) Ambivalentnost' kak svoystvo nabokovskoy igrovoy poetiki [Ambivalence as a property of Nabokov's game poetics]. *Nabokovskiy vestnik*. 1. pp. 16–25.
3. Rakhimkulova, G.F. (2003) *Olakrez Nartsissa: Proza Vladimira Nabokova v zerkale yazykovoy igry* [Olakrez of Narcissus: Prose of Vladimir Nabokov in the mirror of the language game]. Rostov-on-Don: Rostov State University.
4. Khodasevich, V. (1930) "Zashchita Luzhina" [The Luzhin Defense]. [Online] Available from: <https://www.chitalnya.ru/commentary/8970/>. (Accessed: 11.03.2017).
5. D'yachkovskaya, L. (1997) Svet, tsvet, zvuk i granitsa mirov v romane "Zashchita Luzhina" [Light, color, sound and boundary of the worlds in the novel "The Luzhin Defense"]. In: Dolinin, A. V.V. *Nabokov: pro et contra: antologiya* [V.V. Nabokov: pro et contra: anthology]. Pt. 2. St. Petersburg: Izd-vo Rus. Khristianskogo gumanitar. in-ta. [Online] Available from: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%94/dolinin-a/vladimir-nabokov-pro-et-contra-t2>. (Accessed: 11.03.2017).
6. Alexandrov, V.E. (1991) *Nabokov's Otherworld*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
7. Zholkovskiy, A.K. (n.d.) *Pobeda Luzhina, ili Aksenov v 1965 godu* [The victory of Luzhin, or Aksenov in 1965]. [Online] Available from: <http://www-bcf.usc.edu/~alikh/rus/book/poetik/aksen.htm>. (Accessed: 11.05.2017).
8. Pogorelova, D.A. (2011) Romanticheskoe dvoemirie v proze V.V. Nabokova [The romantic two worlds in Nabokov's prose]. *Literatura v kontekste kul'tury*. 2 (21). pp. 218–226.
9. Averin, B. (1999) Geniy total'nogo vospominaniya: O proze Nabokova [The genius of total memory: On Nabokov's prose]. *Zvezda*. 4. pp. 158–163.
10. Andreev, N. (1997) Sirin. In: Dolinin, A. V.V. *Nabokov: pro et contra: antologiya* [V.V. Nabokov: pro et contra: anthology]. Pt. 1. St. Petersburg: Izd-vo Rus. Khristianskogo gumanitar. in-ta.
11. Kantor, M. (1997) Bremya pamyati (o Sirine) [The burden of memory (about Sirin)]. In: Dolinin, A. V.V. *Nabokov: pro et contra: antologiya* [V.V. Nabokov: pro et contra: anthology]. Pt. 2. St. Petersburg: Izd-vo Rus. Khristianskogo gumanitar. in-ta.
12. Nayman, E. (2002) Litlandiya: allegoricheskaya poetika "Zashchity Luzhina" [Litlandia: allegorical poetics of "The Luzhin Defense"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 54. pp. 164–204.
13. Dolinin, A. (2004) *Istinnaya zhizn' pisatelya Sirina: Raboty o Nabokove* [The true life of the writer Sirin: Works about Nabokov]. St. Petersburg: Akadem. proekt.
14. Sakun, S.V. (1999) Shakhmatnyy sekret romana V. Nabokova "Zashchita Luzhina" (novoe prochtenie romana) [The chess secret of V. Nabokov's novel "The Luzhin Defense"]

(new reading of the novel)]. *Filologicheskiiy vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1. pp. 19–25.

15. Shamyunova, M.D. & Efanova, L.G. (2000) Priem kontaminatsii v proze V.V. Nabokova [Blending in Nabokov's prose]. In: Bolotnova, N.S. (ed.) *Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty slova v khudozhestvennom tekste* [Communicative-pragmatic aspects of the word in the artistic text]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. pp. 100–116.

16. Lopatkina, S.V. (2004) K probleme razgranicheniya ponyatiy konvergentsii i kontaminatsii tropov [To the problem of distinguishing the concepts of convergence and blending of tropes]. *Rechevoe obshchenie*. 5–6 (13–14). pp. 36–41.

17. Novikova, E.G. (2015) Convergence of speech art devices in the small prose by T. Tolstaya. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 390. pp. 26–34. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/390/5

18. Klimovskaya, G.I. (2009) *Tonkiy mir smyslov khudozhestvennogo (prozaicheskogo) teksta: Metodologicheskiiy i teoreticheskiiy ocherk lingvopoetiki* [The subtle world of meanings of artistic (prosaic) text: A methodological and theoretical essay of linguopoetics]. Tomsk: NTL.

19. Shamyunova, M.D. (2015) Priem kontaminatsii v romane V. Nabokova “Dar” [The reception of contamination Blending in V. Nabokov's “The Gift”]. *Mezhdunar. zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*. 6-1. pp. 140–144.

20. Shamyunova, M.D. (2015) Lexical blending as a stylistic device in the prose of Vladimir Nabokov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 393. pp. 43–47. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/393/6

21. Nabokov, V.V. (1990) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Vol. 3. Moscow: Pravda. pp. 3–152.

22. Zemskaya, E.A., Kitaygorodskaya, M.V. & Shiryayev, E.N. (1981) *Russkaya razgovornaya rech': Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis* [Russian colloquial speech: General questions. Word formation. Syntax]. Moscow: Nauka.

23. Levin, Yu.I. (1998) *Izbrannye trudy. Poetika. Semiotika* [Selected works. Poetics. Semiotics]. Moscow: Shkola “Yazyki russkoy kul'tury”.

24. Anastas'ev, N.A. (1992) *Fenomen Nabokova* [The phenomenon of Nabokov]. Moscow: Sov. pisatel'.

25. Sakharov, V.I. (1995) Vladimir Nabokov – russkiy pisatel' [Vladimir Nabokov, a Russian writer]. *Realist*. 1. pp. 209–226.